

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМА ЛЖИ И ОБМАНА

Шабанов В.Б. , Красилов В.С.

*Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь*

В статье исследуются отдельные аспекты проблем обмана, лжи и конфликта в правоохранительной деятельности, их понимания в сфере криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, решающих задачи предупреждения, выявления, пресечения и расследования преступлений. Изучены тенденции решения задач правоохранительной деятельности в сфере криминалистической конфликтологии. Исследованы точки зрения ученых о проблеме допустимости обмана и лжи в целях повышения эффективности производства следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Предложены следующие точки зрения: ложь и обман не отождествляются и рассматриваются, соответственно, как общее и частное; ложь, обман и конфликты в сфере криминалистики и оперативно-розыскной деятельности должны изучаться в контексте закономерностей расследования и раскрытия преступлений.

Ключевые слова: *криминалистическая конфликтология, обман, ложь, дезинформация, взаимодействие в правоохранительной деятельности, тактика осуществления оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.*

Как справедливо полагает Д.И.Дубровский: «Феномен обмана должен основательно рассматриваться в этическом, социологическом и юридическом планах и при этом исследоваться не только в индивидуально-психологическом, но и в социально-психологическом отношениях» [1]. Такая постановка вопроса предполагает следующую формулировку тезиса: ложь и обман были, есть и остаются нравственными, правовыми и социальными категориями, имеющими собственное содержание.

В этом отношении, с точки зрения философии и истории вопроса, в контексте криминалистики и оперативно-розыскной деятельности (далее, ОРД), заслуживают внимания следующие точки зрения о допустимости (недопустимости) лжи и обмана, обоснованные в ходе эволюции научной мысли и практики правоприменения. Во-первых, с позиции нравственности их полезность, по мнению античных философов, определяется законодателем-судьей, который устанавливает их границы и критерии допустимости: « правителям государства надлежит

Адрес для корреспонденции: Шабанов Вячеслав Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, 22030, г.Минск, ул. Ленинградская 8, e-mail: lawcrim@bsu.by

применять ложь как против неприятеля, так и ради своих граждан, ради пользы своего государства, но всем остальным к ней прибегать нельзя» [2].

Во-вторых, ложь и обман категорически недопустимы, по мнению христианских мыслителей средневековья, так как они есть грех, удаляющий человека от Бога [3], что на практике не исключало их применение в политике, противодействии преступности и на войне.

В-третьих, для арабо-исламской культуры средневековья характерны экстраполяция отношений войны на мирную жизнь (мир-род войны), обусловленных конфликтными ситуациями, а также установление положения, согласно которому: если достохвальная цель может быть достигнута только ложью, то они становятся не только допустимыми, но и обязательными [4, с. 146, 147].

В-четвертых, в отличие от европейской традиции, в культуре Китая сложились особые представления относительно лжи и обмана. «Обман неизбежен, ибо пустота никогда не станет чем-то предметным, правда никогда не будет высказана когда нет ничего кроме обмана, обман становится истиной. Мудрость китайских стратагем и есть не что иное, как способность жить абсолютной подлинностью обмана» [5, с. 20]. Стратагемы в европейском понимании имеют два значения: военная хитрость и хитрость, уловка в политической и частной жизни, а в китайском понимании еще как расчет или план. «Не стратагема сама по себе, а та конкретная цель, которой она служит, подлежит нравственной оценке. Таким образом, в нравственной оценке, использованной в конкретном случае стратагемы, решающую роль играет нравственная оценка цели или побуждения для применения стратагемы» [6].

В этой связи можно сделать предварительные выводы о том, что ложь и обман: 1) явления объективные, многогранные, функциональные и диалектически противоречивые, представляющие собой способ решения задач на войне, в политике, экономике, правовых и социальных отношениях; 2) проявляются во взаимодействии людей (их общностей) в зависимости от интересов и целей, которыми они руководствуются; 3) оцениваются в зависимости от социального статуса субъектов, которые используют ложь и обман; 4) обуславливаются системой ценностей, которые служат сохранению общества, его гармонии и развитию; 5) экстраполируются на отношения вне войны и, в частности, оправдываются ситуацией соперничества или конфликта в различных сферах жизни современного общества.

Вычлняя криминалистический аспект проблемы лжи и обмана, следует отметить, что они явления не однозначные: с одной стороны, это цель, способ и элемент способа совершения преступления. С другой стороны, как полагает Р. С. Белкин, они допустимые способы решения задач преодоления противодействия расследованию (с учетом определенных ограничений) [7, с. 114]. Однако, в этом отношении следует отметить, что допустимость их в правоохранительной деятельности обусловлена попыткой интегрирования «новых современных представлений о морали и нравственности» в правоохранительную сферу, а также разработкой проблемы в создаваемых науках, например в юридической конфликтологии (через уголовно-процессуальные конфликты [8]), и криминалистической конфликтологии («через выведение понятий криминального, уголовно процессуального и криминалистического

конфликта из общего понятия социального конфликта...») [9]. Этот подход к решению научной проблемы представляется дискуссионным.

Для понимания сути проблемы в системе правовых отношений необходимо изучить историю вопроса о допустимости (не допустимости) лжи и обмана в этой сфере и исследовать возможные причины эволюции точек зрения ученых. Так, в советской правовой науке вопросы их допустимости или критериев их оценки в открытой дискуссии не рассматривались. В учебной и научной литературе по криминалистике отмечалось:

«Закон запрещает только пользоваться при допросе для получения сведений от допрашиваемых способами и средствами, являющимися физическим и психическим насилием над их личностью, но представляет полную свободу применять всякие способы, прямо им не запрещенные искусство вести допрос основано на знании психики человека, на умении понять ее и найти соответствующий подход к допрашиваемому лицу» [10, с. 329];

«Тактика всегда предполагает возможность маневрирования одним из двух или более возможных, не противоречащих нормам уголовно-процессуального кодекса (далее, УПК) приемов на основе оценки всех обстоятельств дела. Соответствие тактических приемов этическим нормам означает, что в тактических приемах не могут быть использованы безнравственные побуждения лиц, по отношению к которым эти приемы применяются; их культурная отсталость; обман, ложь, угроза, насилие; любые действия, унижающие человеческое достоинство, подрывающие авторитет следственных органов» [11, с. 238];

«В процессе расследования преступлений недопустимо использовать тактические приемы, которые унижают честь и достоинство граждан, сопряжены с обманом, насилием или угрозой применения насилия. Тактические приемы, применяемые в ходе судебного следствия, должны отвечать требованиям, которые способствовали бы установлению истины по делу, обеспечивали вынесение справедливого, обоснованного, убедительного приговора» [12, с. 331-333].

Такой же точки зрения придерживался и Р. С. Белкин, когда в 1999 г., рассматривая вопросы судебной психологии, утверждал следующее: «Правомерность воздействия зависит от правомерности его средств. Это законность, которую следует понимать как соответствие или непротиворечие приема, средства требованиям закона; избирательность воздействия, т.е. направленность лишь на определенных лиц и нейтральность по отношению к остальным; нравственность, соответствие моральным принципам общества» [13, с. 511]. Этой же парадигме следовал А. В. Дулов [14].

Таким образом, до определенного момента в научной среде проблема обмана в уголовном законодательстве решалась следующим образом:

- 1) право – это средство отражения морали общества, средство реализации морали общества, средство ее защиты;
- 2) право регулирует осуществление полного познания и ликвидацию всех возникающих дефектов и противоречий в процессе познания в сфере правоохранительной деятельности;
- 3) ложь и обман абсолютно недопустимы в решении задач уголовного процесса;
- 4) задачи уголовного процесса не могут решаться вне рамок и принципов справедливости,

гуманности и профессиональной этики; 5) законность следует определять через соответствие или не противоречие приема, средства и их комбинаций требованиям закона.

В настоящее время по исследуемой проблеме имеются и иные точки зрения, которые обосновываются попыткой получения нового знания на стыке наук. В этом отношении следует обратить внимание на теорию криминалистической конфликтологии, сторонником которой является, например, А. В. Шмонин, отмечающий, что: « зарождающаяся частная теория – криминалистическая конфликтология, являющаяся составной частью криминалистической ситуалогии, позволяет выявлять на системной и прогностической основах закономерности зарождения, возникновения, развития и завершения конфликтов и конфликтных ситуаций; правильно формулировать проблемы предупреждения и разрешения (преодоления) конфликтов и конфликтных ситуаций и определять пути их решения» [9].

Понимая важность и необходимость проведения любых научных исследований необходимо отметить следующее. В 1995г. В.Н.Кудрявцев в рамках юридической конфликтологии допускает возможность конфликтного следствия: « в процессуальные конфликты вступают обвинители и обвиняемые и другие участники процесса. Роль арбитров в этих конфликтах принадлежит органам и представителям власти, ответственным за производство по делу в данной стадии или уполномоченным рассматривать жалобы на их действия: следователю, прокурору, судье, суду. Должностное лицо или орган, ответственный за производство по уголовному делу, а также участвующие в деле физические и юридические лица вступают в процессуальный конфликт, исполняя свои обязанности и осуществляя права, ввиду чего их взаимодействия приобретают характер системы правоотношений» [8]. Таким образом, в результате научных изысканий делается вывод о возможности вовлечения государственных должностных лиц (специальных субъектов) в конфликтные отношения. И этот подход к проблеме оказался значимым для обоснования допустимости лжи и обмана при уголовном преследовании и, в том числе, при осуществлении ОРД.

Но, что, собственно, дает конфликт и конфликтные ситуации? На этот вопрос Р.С.Белкин отвечает так: «В основе каждого преступления лежит конфликт правонарушителя с законом, с интересами людей, общества, государства. Восстановление нарушенного права начинается с раскрытия и расследования преступления, в ходе которых конфликт с законом обретает форму конфликта со следователем, лицом, призванным установить истину. Так, возникает конфликтная следственная ситуация, в которой противодействие следователю в установлении истины и его меры по преодолению этого противодействия и достижению целей следствия являются доминирующими факторами. Реальность подобных ситуаций, их обыденность и распространенность обусловили развитие тех приемов и рекомендаций криминалистической тактики, которые вооружают следователя для действий в обстановке конфликта, помогают разрешить его в соответствии с законом и нравственными требованиями» [7, с. 107].

Какова сущность приемов и рекомендаций криминалистической тактики в обстановке конфликта? Суммируя предварительные итоги изучения лжи и обмана в уголовном процессе (криминалистике, оперативно-розыскной деятельности), Р.С.Белкин в 2001г. приходит

к выводу: «при отсутствии в законе однозначного запрещения использовать обман при расследовании преступлений вопрос о его допустимости целиком лежит в области морали; условия допустимости обмана весьма узки и достаточно жестки, но принципиально его следует признать допустимым» [7, с.111].

В этой связи возникает вопрос об условиях допустимости, о конкретизации самого приема или способа, которые можно законно использовать при проведении следственных действий? Например, А.Р.Ратинов рекомендует: «нанесение удара в наиболее уязвимое или наиболее важное место; раздробление сил и средств противодействующей стороны; разжигание конфликта между соучастниками преступления; предупреждение об угрозе нежелательных действий» [15, с.162-163]. Как видим, моральная сторона проблемы имеет своеобразное диалектическое противоречие в отношении к приему или способу проведения следственных действий.

Решая эту проблему, Р.С.Белкин заявляет следующее: «Правового решения вопроса о допустимости обмана при расследовании преступлений не существует, поскольку слово «обман» не упоминается среди незаконных средств воздействия, названных в УПК. В этом плане можно двояко толковать упоминание в законе «иных незаконных мер»: либо относя к их числу и обман (как это обычно делается в литературе); либо по известным основаниям не относить обман к этим мерам. Попытка прибегнуть к распространенному сейчас в правовом обиходе выражению «разрешено все, что не запрещено законом» не решает вопроса, поскольку в уголовном судопроизводстве следует придерживаться иного правила: «разрешено все, что разрешено законом или ему не противоречит». Становится ясным, что вопрос следует перенести из правовой области в нравственную и именно здесь искать его решение» [7, с. 103]. Таким образом, из категории правовой обман, а соответственно и ложь, стали категориями нравственными в праве, а позиция «соответствие или непротиворечие приема, средства требованиям закона» (дозволительный принцип, обоснованный ранее) изменен на запретительный – «разрешено все, что разрешено законом или ему не противоречит». Хотя, смысловой анализ обеих позиций не находится по нашему мнению в антагонистическом противоречии.

С точки зрения права возможность лжи и, соответственно, обмана, их допустимость, обосновывается выводами Н.П.Хайдукова о путях разрешения внутриличностного конфликта: «Если в процессуально-тактической ситуации возникло противоречие между отдельными ценностями и сохранить их обе при достижении общественно значимой цели не представляется возможным, то целесообразным и морально оправданным будет такое тактическое решение, которое направлено на сохранение наиболее значимой в данной ситуации ценности, подобно тому, как при крайней необходимости ... законным является действие, которым причинен вред меньшему благу в целях предотвращения вреда большему. При этом следователь должен осознавать, что: а) в процессуально-тактической ситуации ценности противоречивы; б) вмешательство в ситуацию всегда становится объективно вынужденным, ибо невмешательство по принципу «лучше ничего не делать, чем делать вредное» есть зло, причиняющее вред более высокой ценности; в) вмешательство порождает одновременно и зло, и добро, т.е.

результат всегда носит противоречивый характер, но зло всегда должно быть меньшим по отношению к добру; г) результат оказывает положительное влияние на успешное выполнение задач уголовно-процессуальной деятельности» [7, с. 110-111]. Однако, эта позиция предполагает оценочные суждения о соразмерности причиняемого вреда сохраняемой ценности, что само по себе также противоречиво и дискуссионно.

Таким образом, обоснования приемлемости лжи и обмана, необходимо сделать вывод о том, что они оказались допустимыми в результате поиска нового научного знания на стыке наук и представляет собой следующую схему: концепция конфликтного следствия объединила в конфликтной ситуации следователя и участника уголовного процесса (например, обвиняемого) – следователь становится стороной конфликта – проецирование конфликтной ситуации межличностного общения на уголовно-правовую категорию, крайнюю необходимость введение категорий обмана и лжи в право как нравственных категорий – все это для защиты охраняемой законом ценности. Такая логика, возможно, не лишена логичности и изящества, однако, не лишена дискуссионности. По этому поводу А.М.Ларин отмечает следующее: ... «конфликтологическая» трактовка расследования, сводящая его к конфликту следователя с обвиняемым, неприемлема ... Заложенное в фундамент теории «конфликтного следствия» отождествление обвиняемого с преступником служит оправданию неразборчивости в средствах «борьбы», нарушению нравственных и правовых норм» [17, с. 103-104].

По нашему мнению ложь в криминалистике следует рассматривать либо как незаконные способы решения задач уголовного процесса или ОРД (принуждение к даче показаний, фальсификация доказательств, заведомо неправосудный приговор, нарушение процедуры проведения следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий и др.), или допустимый, не противоречащий законодательству, интеллектуальный способ решения указанных задач в рамках криминалистической (оперативно-розыскной) тактики [16]. Вопросы допустимости лжи в оперативно-розыскной тактике через понятия дезинформации и инсценировки уже неоднократно рассматривались в научной дискуссии, где доказывалась их приемлемость, эффективность и целесообразность [18]. В этом отношении необходимо проводить дальнейшую научную и практическую разработку по определению пределов допустимости, фиксации и рамок использования.

Относительно категории «обман» необходимо отметить следующее. По нашему мнению его смешение с ложью в философско-психологическом анализе [1] в контексте криминалистики или ОРД необходимо рассматривать дифференцированно. **Ложь – это любое искажение истины**, производимое вербально, умолчанием или жестом намеренно или нет. **Обман или самообман – это состояния субъекта, вызванные усвоением лжи**. Эти явления (ложь и обман) возникают в процессе социального взаимодействия и должны оцениваться только с правовой точки зрения вне консеквенциализма и категорического императива. Это направление также нуждается в научной и практической разработке.

В этом отношении применение приемов, способов решения задач правоохранительной деятельности, их комбинаций (операций) следует изучать исходя из объективного восприятия условий (закономерностей) социального взаимодействия, которое можно рассматривать как

состояние управляемой социальной системы, в которой функционируют равные по статусу субъекты, преследующие свои интересы и цели. При взаимодействии изучаются не только взаимные согласованные действия, но и соперничество, которое в отдельных случаях может приводить к острому противоречию (конфликту). Эти противоречия в правовой сфере разрешаются через познание науки психологии, где под взаимодействием понимается процесс воздействия объектов друг на друга, обусловленный закономерностями их личных интересов, мотивов, целей и задач в рамках сотрудничества или соперничества.

На основании изложенного, полагаем возможным сделать следующие выводы.

1. На формирование теории криминалистической конфликтологии, несомненно, оказали воздействие философские научные представления в философско-психологическом контексте относительно моральности и этичности категорий «ложь» и «обман» и субъектов, правомочных использовать эти категории в практической деятельности для сохранения существующих в обществе ценностей.

2. Теория криминалистической конфликтологии, вводящая ложь и обман в право как нравственную категорию, по меньшей мере дискуссионна, так как экстраполяция конфликта с законом на конфликт со следователем (оперуполномоченным) требует теоретического, логического и законодательного обоснования.

3. Применительно к криминалистике и ОРД взаимодействие субъектов в сфере правоохранительной деятельности допустимость лжи (и как следствие обмана) раскрывается следующим образом: 1) взаимодействие обуславливается правоотношениями, устанавливаемыми оперативно-розыскным, уголовным и уголовно - процессуальным законодательством, в которые вовлекаются субъекты; 2) способы решения практических задач и защиты прав участвующих в правоотношениях зависят от их интеллектуальности и видов межличностного взаимодействия (сотрудничество или соперничество); 3) соперничество между представителем правоохранительного органа и подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления - это обычное состояние этого взаимодействия, обусловленное различием интересов субъектов в его результатах; 4) в состоянии соперничества субъекты действуют исходя из своих интересов, имея возможность в избрании линии поведения, не доверяя друг другу; 5) тактика оперативно-розыскной и следственной деятельности основывается на научно-разработанных способах (приемах) психологического и организационного воздействия, по сути, содержащих ложь (дезинформацию, маскировку и др.), которая является абсолютной реальностью наравне с моралью и нравственностью; 6) недопустимость лжи в криминалистическом контексте должна восприниматься через понятие запрещенного способа воздействия (например, шантаж, угроза насилием, насилие, фальсификация доказательства и иные «незаконные действия» как это сформулировано в ч. 1 ст. 394 Уголовного кодекса Республики Беларусь) либо через нарушение служебной (оперативно-розыскной, следственной, судебной) этики; 7) конфликт в контексте криминалистики или ОРД может рассматриваться и как допустимый частный способ решения практической задачи правоохранительной деятельности правомерным способом в конкретной ситуации, и как случай, нарушающий этику служебной деятельности.

Список литературы:

1. Дубровский, Л. И. Обман. Философско-психологический анализ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://novainfo.ru/article/537>. - Дата доступа 28.05.2023.
2. Мясников, А. Г. Античная философия о целесообразности и вынужденном характере лжи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/antichnaya-filosofiya-o-tselesoobraznosti-i-vynuzhdennom-haraktere-lzhi-1>. - Дата доступа: 28.05.2023.
3. Карабыков, А. В. Проблема лжи в трудах средневековых христианских мыслителей // Вестник Томского государственного ун-та : Философия. Социология. Политология. Томск, 2013, - № 2 (22). С. 178 185,
4. Игнатенко, А. А. Обман в контексте арабо-исламской культуры средневековья / А. А. Игнатенко // Одиссей. Человек в истории 1993: Образ «другого» в культуре (1994) ; - М.: Наука, 1994. С. 138 160.
5. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / Перевод с кит. В. В. Малявина. М. Белые львы, 2000. 192 с.
6. Харро фон Зенген О китайском искусстве жить и выживать. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nrpsy.ru/36-stratagem-zenger.html>. Дата доступа: 28.05.2023.
7. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА ИНФРА • М), 2001. 240 с.
8. Юридическая конфликтология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yurpsy.com/files/biblio/jur-konf/19.htm>. Дата доступа: 28.05.2023.
9. Шмонин, А. В. Криминалистическая конфликтология: предпосылки формирования и направления развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kriminalisticheskaya-konfliktologiya-predposylki-formirovaniya-i-napravleniya-razvitiya>. Дата доступа: 28.05.2023.
10. Якимов, И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.
11. Криминалистика : Учебник / Под ред. А. Н. Васильева. М., Изд-во Моск. ун-та, 1980. 496 с.
12. Криминалистика : Учебник / Под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М.: Юрид. лит., 1988. 672 с.
13. Аверьянова, Т. В., Белкин, Р. С., Корухов, Ю. Юссинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. М.: Издательская группа НОРМА ИНФРАМ, 1999. 990 с.
14. Дулов, А. В., Сидоренко О. В. Юридическая этика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nashaucheba.ru/v57811/дулов_а.в.,_сидоренко_о.в._юридическая_этика. Дата доступа: 28.05.2023;

15. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей : Учеб. пособие / Изд-во НИиРИО ВШ МООП РСФСР. М., 1967. 290 с.
16. Красиков, В. С. Криминалистический контекст обмана и лжи: интеллектуальный аспект тактики / В. С. Красиков // Журнал Белорусского государственного университета. Право. Минск : Изд. Центр БГУ, 2021. - № 2 (2021). С. 103-109.
17. Ларин, А. М. Криминалистика и паракриминалистика. Научно-практическое и учебное пособие. М.: издательство БЕЛ, 1996. 192 с.
18. Дубоносов, Е. С. Дезинформация криминальной среды при осуществлении оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dezinformatsiya-kriminalnoy-sredy-pri-osuschestvlenii-operativno-rozysknoy-deyatelnosti/viewer>. Дата доступа: 28.05.2023; Елисов, П. П. Использование оперативной информации и инсценировки при проведении оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и документированию коррупционных преступлений: мнение аналитика [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-operativnoy-dezinformatsii-i-instsenirovki-pri-provedenii-operativno-rozysknyh-meropriyatiy-po-vyyavleniyu-i/viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-operativnoy-dezinformatsii-i-instsenirovki-pri-provedenii-operativno-rozysknyh-meropriyatiy-po-vyyavleniyu-i-dokumentirovaniyu-korruptsionnykh-prstupleniy-mnenie-analitika/viewer). Дата доступа: 28.05.2023; Яскевич, А. В., Лахтиков, Д. Н. Вопросы допустимости дезинформирования при осуществлении оперативно-розыскной профилактики органов внутренних дел [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elib.amia.by/bitstream/docs/80/1/30_073.pdf. Дата доступа: 28.05.2023.

**ՔՐԵԱԳԻՏԱԿԱՆ ԿՈՆՖԼԻԿՏՈՒՄԻ ԱՆՑԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ԲԱՅԱՀԱՅՏՄԱՆ ԵՎ ՀԵՏԱՔՆՆՈՒԹՅԱՆ ԸՆԹԱՑՔՈՒՄ.
ՍՏԻ ԵՎ ԽԱԲԵՆՈՒԹՅԱՆ ԽՆԴԻՐԸ**

Շարանով Վ.Բ., Կրասիկով Վ.Ս.

Հոդվածում հետազոտվում են իրավապահ մարմիններում խաբեության, սրի և կոնֆլիկտի խնդիրների առանձին ասպեկտներ, դրանց հասկացությունը քրեաբանության և օպերատիվ-հետախուզական գործունեության շրջանակներում՝ հանցագործությունների կանխարգելման, բացահայտման, ճնշելու և հետաքննության խնդիրների լուծման առնչությամբ: Ուսումնասիրվում են նաև քրեագիտական կոնֆլիկտաբանության ոլորտում իրավապահների խնդիրների լուծման միտումները: Հոդվածում հետազոտվում են խաբեության և սրի թույլատրելիության խնդրի վերաբերյալ գիտնականների տեսակետները՝ քննչական գործողությունների և օպերատիվ-հետախուզական աշխատանքների իրականացման արդյունավետության բարձրացման նպատակով: Մասնավորապես, առաջարկվում են հետևյալ տեսակետները. սուտը և խաբեությունը չեն բացահայտվում և, համապատասխանաբար, համարվում են ընդհանուր և մասնավոր. սուտը, խաբեությունը և կոնֆլիկտը քրեագիտության և օպերատիվ-հետախուզական գործողությունների շրջանակներում պետք է ուսումնասիրվեն

հանցագործությունների հետաքննության և բացահայտման օրինաչափությունների համադրությունը:

Բանալի բառեր. քրեագիտական կոնֆլիկտաբանություն, խաբեություն, սուտ, ապատեղեկավորություն, փոխգործակցություն իրավապահ մարմիններում, օպերատիվ-հետախուզական աշխատանքների իրականացման մարտավարություն և քննչական գործողություններ:

CRIMINALISTIC CONFLICTOLOGY IN THE PROCESS OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES: THE PROBLEM OF LIES AND DECEPTION

Shabanov V., Krasikov U.

The article examines certain aspects of the problems of deception, lies and conflict in law enforcement, their understanding in the field of criminology and operational investigative activities (hereinafter referred to as the ORD), solving the problems of prevention, detection, suppression and investigation of crimes. The tendencies of solving problems of law enforcement activity in the field of criminalistic conflictology are studied. The points of view of scientists on the problem of the permissibility of deception and lies in order to increase the efficiency of investigative actions and operational investigative measures (hereinafter referred to as ORM) are investigated. The following points of view are proposed: lies and deception are not identified and are considered, respectively, as general and particular; lies, deception and conflicts in the field of criminology and ORD should be studied in the context of the laws of investigation and disclosure of crimes.

Keywords: *criminalistic conflictology, deception, lies, disinformation, interaction in law enforcement, tactics of operational investigative measures and investigative actions.*

Статья поступила: 23.03.2023

Принята к печати: 26.05.2023